

ЛЮДМИЛА
ПОПОВА

СЧАСТЬЕ
ЛЕТАТЬ

ЛЮДМИЛА ПОПОВА

Людмила Попова

СЧАСТЬЕ
ЛЕТАТЬ

Стихи

Дорогому
командишу
в честь
победы
в бою
Сталинграда

Лети
Зеленая 1960

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1960

Дорогому космонавту
Юрию Гагарину
в Дни ческих соревнований
от первых под nouvel

Героям-космонавтам
Юрию Гагарину,
Герману Титову.

ЗВЕЗДНЫЕ БРАТЬЯ

П о э м а

1

Я безмерно рад, что моя
любимая Отчизна первой в ми-
ре совершила этот полет, пер-
вой в мире проникла в космос.

Юрий Гагарин

Эти полеты посвящены тебе,
XXII съезд партии.

Герман Титов

Апрель покрывает пушниками вербы.
По рекам плывет и ломается лед.
Идет по стране нашей шестьдесят
первый,
Великого взлета и подвигов год.

В глаза мне вчерашние смотрят
подростки —
Хозяева в небе, в морях, на земле.
...За год до того, когда умер
Циолковский,
Родился мальчишка в российском селе.
И люди не думали и не гадали,
Что лет тридцати — и того
не пройдет,

Как летчик,
по имени Юрий Гагарин, —
Тот мальчик — вдруг вырвется
в звездный полет.
Мечта началась с наших спутников
первых,
С первых унесшихся в космос ракет:
Он видел свой путь —
самый верный из верных —
И знал, что другого пути ему нет.
Путь к звездам!

И это сильней Жюля Верна,

Сильнее Уэллса его захватило.
И с тайной тревогою вдруг ощущил он:
Растет в нем с непреодолимою силой
Влеченье к таинственным высиям
безмерным.

Болезнь?

Но ей нет в медицине названья,
Ни средств, ни лекарств, никаких
препаратов.

Звучит она музыкой мирозданья,
Взметнувшейся к звездам
«Аппассионатой».

И сердце стучало: подходит пора,
Далекое завтра становится близким,
И снился то шаром, то ромбом,
то диском
В просторах Вселенной летящий
корабль.

Уж вымпел советский лежал на Луне,
Вернулись из космоса Белка
и Стрелка,
И думал он: «Взяли б меня
в переделку,
Я б выдержал, только б доверили
мне...»

Титов!

Он особенно близок Гагарину —
Стремлением одним они связаны
властным...
Пусть жизнь только раз человеку
подарена,
Но прожита будет она не напрасно!
Им видится Чкалов — легенда
их детства.
Пронесшись над Полюсом в небе
супровом,

Чудесное он завещал им наследство:
Мечту о полете вкруг шара земного.
И вновь Циолковский,

и мир бесконечных
Межзвездных пространств...

Новый, солнечный век...
Земля — колыбель!

Но не может же вечно,
Всегда в колыбели жить человек.

Готовятся летчики стать
космонавтами,

Ведь в космос лететь не сегодня,
так завтра им.

И все может статься в дороге
нехоженой,

Но им растеряться никак не положено.
К ним воздух горячий вливается

в легкие,

Растут перегрузки не очень-то
легкие:

— Прошел ли ты, Юрий, сквозь жар
термокамеры?

— А как же? Нормально,
хотя и не каменный.

Сидел, как накрытый овчинною
шубою,

Сверкнул он улыбкой своей белозубою.

Пусть даже из строя все выбыются
рации,

Нет связи с Землею — нельзя
растеряться им.

Закрытая камера,
остров молчания.

Ни ночью, ни днем никакого звучания.
Читай, размышляй, вспоминай,

что захочется,

Ты должен уметь выносить
одиночество.

— Как, Герман, ты вынес безмолвие
жесткое?

— Отлично. Работал. Читал
Маяковского.

Но лоб прорекнула упрямая линия,
И чуть потемнели глаза его синие.

С трамплинов прыжки
и прыжки с парашютами.

Друзья дорожат каждой летной
миную...

А в небо посмотрят, и лица их
светятся.

И ходит по небу Большая Медведица.

2

И звезда с звездою говорит.

Лермонтов

Ручьев мимолетных младенческий
лепет.

Апрельского ветра изменчивый курс.
Аральское море,

казахские степи,
Огромный, как степь,
космодром Байконур.

И Юрий с восторгом и с благоговением
Глядит на готовый взлететь звездолет,

На чудо, в которое труд, вдохновенье,
Свой разум,
свой гений вложил народ.

О, как ты красив,
наш корабль — «Восток»!

Красивей всех башен, дворцов
и мостов!

Сейчас на разведку далеких миров
Уйдешь ты!

Твой летчик к полету готов!

И вздрогнула недрами всеми своими
И, ахнув, Земля назвала его имя:

— Юрий! Куда ты?

Подумай сначала,
Как это опасно и как нелегко!
Я в детстве тебя в колыбели качала,
Поила живою водой родников!
Ты рос,

ты в морях моих плавал и реках,
Летать научился, и крылья росли...
Но ты человек!..

Не дано человеку
К мирам неземным уходить от Земли!
Но встали пред ним
его сердца герои,

Что Ленина знамя
сквозь жизнь пронесли:

Чапаев и Чкалов,
Матросов и Зоя,
Гастелло, Покрышкин,
Мересьев, Джалиль...

И жизнь свою видит он снова и снова.
Что к этим мгновениям вся сведена.

И слышит он страстную музыку,
словно

Гремит и дробится о скалы волна.
И слово берет он —

прощальное слово,
И голос звенит на ветру, как струна.

И он — коммунист —

говорит всем народам планеты:

— Я счастлив, в полет отправляясь
космический этот.

Я сделаю все,

чтоб свершить этот первый полет,
Который доверили

Партия мне и народ...

Уже не забыть этих вскинутых рук.
В скафандре и в шлеме

он входит в кабину...

Как тихо вдруг стало.

Захлопнулся люк.

Один... Нет! Мы с ним,

Мы в полете едином!

Команда — «Подъем!»

Рвется пламя из сопел,
Грохочет рожденный ракетою гром.
Вот так свои крылья расправил

наш сокол.

Вот так он земной оставляет свой дом.

Палящие вихри огня раскидав,
Исчезла ракета,

и след ее тает...

Волшебный корабль,

золотая звезда,

Летит он,

и воздуха мне не хватает.

Моря, океаны внизу протекают,
Земля в голубом ореоле встает,
И взоглас его:

— Красота-то какая!.. —

Звучит на КП с небывалых высот.

Но словно свинцом его тело налито.
Держись! Потерпи!

Это скоро пройдет!..

И слышит Земля:

— Выхожу на орбиту...

Все в полном порядке.

Продолжаю полет!

Уже отделилась ракета-носитель.

Корабль с человеком

летит по орбите.

Вернется ль?

Волну в океане спросите,
Весну, вновь рожденную,

солнце в зените,

Сиянье полярное,

молнию в тучах,

Спросите, спросите друзей его лучших:

На Землю родную

вернется ль он вновь?

Спросите Бесстрашье,

спросите Любовь!

А женщина смотрит тревожно и зорко
На телевизионный экран и молчит...

И властно Бетховен

в Москве и в Нью-Йорке,

В Париже, в Гаване,

в Пекине звучит.

И к звездам взлетает «Аппассионата»,
Где космос уже не безмолвен, не чужд,
И слушают, замерли люди, объяты
Нечеловеческой музыкой чувств:

— Что там у него,

на трехстах километрах?

— Там солнце горит ослепляющим
светом.

И черное небо,

и блещут на нем

Огромные звезды чудесным огнем.

А звезды вблизи, впереди, за плечами
Сверкают, сигналят друг другу
лучами:

— Нежданная новость!

Смотрите! Смотрите!

Здесь не было чуда такого от века —
Звезда с человеком летит по орбите!
Звезда с человеком!

Звезда с человеком!

Как в наше проник он всевластное
небо,

Сюда, где никто из людей

еще не был?..

Какая хранит и несет его сила?..

И как же Земля вдруг отпустила?..

Земля потеряла свое притяжение.

Он чувствует: легкими стали движения.

Так вот они, выси бездонные эти,

Которые видят он первым на свете.

И эта загадочная невесомость,

С которой еще до конца не знаком он...

А женщина кормит ребенка и ждет,
С тревогой щемящей,

с великой любовью.

Не может быть, нет,

чтобы долею вдовьей

Она заплатила за этот полет!

Он вышел из тени глубокой земной.

Горит горизонтолосой золотой.

Навстречу, неведомая никому,

Вся музыка красок раскрылась ему.

Летит космонавт

и над всею планетой
Проносит Отчизны своей эстафету.
Летит его сердце вокруг шара земного,
И Ленин Бетховена слушает снова,
И страстью полета,
и счастьем всесветным,
Величием подвига
дышишт планета.

Но срок истекает.

Посланцу людей
Сверкнули Венера, и Марс,
и Меркурий;
Скорей возвращайся!
Мы ждем тебя, Юрий!
Земная звезда,
возвращайся скорей!

К Земле!

И дорогой планет необъятной
Летит он,
весь облитый солнцем «Восток».
И пламя снаружи
бьет в иллюминатор,
И стонет, бушует «Аппассионата»,
Как огненный в русле гранитном
поток.

Все ближе Земля

и родная страна.
Какая сейчас там ликует весна!
В приемнике пенье серебряных труб,
И песня невольно срывается с губ:
«Родина слышит, Родина знает,
Как нелегко ее сын побеждает...»

И вот совершил он полет свой
заветный!

О, как потрясен, как обрадован мир!
Три пламенных слова колеблют эфир:
«Россия! Гагарин! Советы!»

От сердца народа,

от всех поколений,
Как сына, его обнимает Хрущев.
Да, первый!

Но будут еще и еще...
И смотрит вперед,
чуть прищурившись, Ленин.

3

Горит восток зарею новой.
Пушкин

Сияет над Родиной свет незакатный,
И радость несет человек человеку.
И ширятся волны «Аппассионаты»,
Гремят нарастающей музыкой века.

И снова пылает клубящийся воздух,
И прорван ракетою неба покров —
То вслед за Гагариным
вырвался к звездам
Товарищ и друг его
Герман Титов.

И землю в сиянье ее красоты
Он видит сквозь даль безвоздушных
пустынь.
Ни снега, ни ветра,
ни гроз, ни дождей —
Есть космос. Орбита.
Движение вперед...
И нет ни прошедших, ни будущих
дней,
Одно настоящее — этот полет.

Уже невесомым становится тело,
Вот ты и ушел от родимой планеты...
Вдруг все поплыло, поднялось,
завертелось.
Ни звезд, ни земли — всех приборов
смещенье.
И хочешь не хочешь — в кабине
предметы
Блуждают, забыв о своем назначенье.
Но радиоволны ему говорят:
— Орел, как ты слышишь меня?
Я — Заря!
Поменьше движений, и это пройдет.
Взгляни — все на месте.
Веди звездолет!»

Сокровище Родины, гордость ее,—
Корабль до конца подчинен его
 власти,
И сердце пилота полно до краев
Еще никогда не испытанным счастьем.
Над Родиной милою он пролетает,
Учившей его набирать высоту,
И кажется, видит он горы Алтая,
И кажется, слышит, как плещет
 Катунь.
Он чувствует матери добрые руки,
Он видит лицо своей нежной подруги,
Поет самодельная скрипка отца:
— Летай и не знай совершенству
 конца.

И Герман летит через дальние дали,
Вокруг разделенной, бурной
планеты —
Над странами тьмы, и нужды,
и печали,
Над странами радости, жизни и света.

Виток, и другой, и четвертый,
и пятый...
Когда ж приземлится он, наконец?..

Палящие волны «Аппассионаты»
Уже обожгли миллионы сердец.
Антенны раскинули чуткие сети,
Радисты корабль его ищут в эфире,
Сейчас ничего нет важнее на свете,
Сейчас это — самое главное в мире!
И голос уверененный и вдохновенный
Звучит из космического бытия:
— На борту все в порядке.
И непременно
Задание Партии выполню я!

А небо, с каких ни посмотришь сторон,
Действительно, звездной обложено
данью.

Пусть он не поэт,
но беседует он
С веками,
историей
и мирозданием.

Летит он по бывшим библейским
дорогам,
Себе подчиняя пространство и время,
И славит Вселенная смуглого бога —
Простого, земного,
в скафандре и в шлеме.
Летит он с открытым забралом
навстречу

Стихиям непознанным,
тайнам извечным,
Летит в безначальность,
летит в бесконечность,
Хранимый любовью большой,
человечьей.

Открыта Галактика зоркому взору:
— Мы все тут исследуем,
все тут измерим,
Тут встанут межзвездные станции
скоро,
И к Марсу пойдут корабли,
и к Венере.

— Заря! Я Орел!
Он на Землю родную
Шлет радиограмму очередную:
— Москвичи дорогие!
Все идет как положено.
В кабине комфорт.

Я желаю того же вам...
Вы как хотите, а я ложусь спать...
Сон в космосе!

Вести из радиостудий.

Сон в космосе!

Слушайте, слушайте, люди, —
Ведь это почти невозможно понять!

Пускай он поспит,
как солдат меж боями,
Вы, радиоволны, пока подождите,
Пускай ему снятся сады с соловьями.
Пусть даже без снов он поспит —
не будите.

Он спит, утомленный...

Пока он не встанет,
У тысяч приемников люди сидят.
И в небе планеты, как старые няни,
За спящую звездочкой зорко следят.
И тоненький месяц

в полночном дозоре
Прошел, заглянув к нему
в иллюминатор.

Молчанье. Молчанье.

Лишь плещется море,
Притихшее море «Аппассионаты».

Но кончился отдых.

Зарядка и завтрак.
Двенадцатый круг...

Вновь работа, работа —
Он так называет свой рейс космонавта,
Как будто не в счет
вся опасность полета.

Летит он сквозь ночи,
рассветы, закаты,
Сквозь бурные вихри «Аппассионаты»,
Сквозь судьбы людские,
сквозь песни и славу

Летит он,
посланец Советской державы.

Летит,
чтобы мир не захлестнут был кровью,
Летит

с безграничною к людям любовью,

Летит
по великому сердца велению,
И снова Бетховена слушает Ленин.

А звезды дневные —
за ворохом ворох,

И звезды земные —
за городом город.

— Осталось немного! —
сигналят приборы.

И вертится глобус:
теперь уже скоро!

Сигналы с Земли:
«Приготовиться к спуску!»

И в кресло вжимают его перегрузки...

Все выдержал Юрий,
ты выдержишь тоже,
Пилотское кресло — не смертное ложе.
А тяжесть растет, выносима едва:
— Земля! Я иду!

Говорит «Восток-2»!
И хлещет за бортом огонь по металлу,
Корабль у Земли собираясь отнять,
И светится воздух, становится алым,
Не сдастся корабль —

он сильнее огня.

Устал человек, но душа не устала:
— Земля! Я иду!

Как ты слышишь меня?!

...Земля!

О, каким она дышит привольем,
Как пахнет дождями,
и хлебом, и солью!..
Возьми ее в руки;
к лицу приложи
И тихо скажи ей:
— Оправдана жизнь.

Прошло больше суток сраженья
с природой.
Семнадцать вокруг шара земного
витков,

Семнадцать слепящего солнца
восходов —
Полет, где минута равняется году,
Закончен!

Как счастлив ты, Герман Титов!
Тебя ликованием встречает страна,
Отеческой лаской Хрущева
ты встречен,
Тебя захлестнула большая волна
Ни с чем не сравнимой
любви человечьей.

И рядом Гагарин!
Друг друга в объятьях
Сжимаете крепко вы,
звездные братья!

И видят народы
Европы и Азии,
Америки, Африки и Австралии,
Какие с Востока лучи засияли им.
Меняется мир;

Коммунизм — не фантазия.
О, Партия!
Старт в наше звездное Завтра
Даешь ты сегодняшнему поколению,
И — вестники жизни —
летят космонавты,
И музыку времени
слушает Ленин.

1961 г.
апрель — декабрь